

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1990

Инна ЛИШНЯНСКАЯ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ВОЗДУШНЫЙ ПЛАСТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Издается с января 1925 года

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ВОЗДУШНЫЙ ПЛАСТ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

Инна Лиснянская родилась в 1928 году в Баку. Первые ее стихи появились в печати в 1948 году. Автор вышедших в Москве стихотворных сборников «Верность», «Не просто любовь», «Из первых уст», «Виноградный свет» и опубликованных за рубежом книг «Дожди и зеркала» и «На опушке сна». Участвовала в неподцензурном альманахе «Метрополь» и в знак протеста против исключения из Союза писателей двух молодых прозаиков вышла из Союза писателей в 1980 году. Восстановлена в этом Союзе в 1987 году. Сейчас широко печатается в журналах и газетах.

БУТЫЛКА С ЗАПИСКОЙ

Не взыщите: бутылка с запиской,
Люди добрые, к вам не из моря,
А из жизни, до боли вам близкой,
Из оттаявшего подзаборья.

Не ищите меня среди равных
Иль меж тех, кто вам вовсе неровня.
Есть на то две причины забавных:
Всех виновнее я и греховней.

Надышалась я дыму событий,
Я возникла из книжек сожженных.
Не ищите меня, не ищите
Средь оправданных иль непростенных.

Я ни в чьей не нуждаюсь защите
И ни в чьей не нуждаюсь подмоге —
Не ищите меня, не ищите,
На себя же наткнетесь в итоге.

1976

* * *

В мире людном — в доме одиноком —
Раскрываются окна весны, —
День сплошным протекает потоком,
Ночь дробится на звезды и сны.

И никто никогда не узнает,
Не узнает никто никогда,
Чья звезда, как свеча, оплывает,
Чью звезду заливают беда.

А с моей ничего не случится,
И никто никогда не поймет,
Что чужая страна мне не снится,
А родная заснуть не дает.

1980

* * *

Забвенья нету сладкого,
Лишь горькое в груди,—
Защиты жди от слабого,
От сильного не жди.

Такое время адово
На нынешней Руси —
Проси не у богатого,
У бедного проси.

Наглядны все прозрения,
Все истины просты,—
Не у святых прощенья,
У грешников проси.

1967

* * *

Возят на рынок картошку и сало,
Ягоду, тару, тряпье...

Мне хорошо, я еще не узнала
Куплю и тщетность ее.

В доме напротив два друга устало
Тянут хмельное питье...
Мне хорошо, я еще не узнала
Дружбы и скуки ее.

Возле кладбища в начале квартала
Праздно орет воронье...
Мне хорошо, я еще не узнала
Славы и праха ее.

Старый работник смахнул с одеяла
«Правду» — обрыдло вранье...
Мне хорошо, я еще не узнала
Веры и краха ее.

Поезд тюремный уходит с вокзала
В тундру, где волчье вытье...
Мне хорошо, я еще не узнала
Воли и смерти ее.

1969

* * *

Я и время — мы так похожи!
Мы похожи, как близнецы,
Разноглазы и тонкокожи...
Ну, скажи, не одно и то же —
Конвоиры и беглецы?!

Ярко-розовые ладони,
Каждый светится капилляр, —
Я — в бегах, а оно — в погоне,
У обоих мир двусторонний —
Там наш пепел, а здесь пожар.

Я и время — мы так похожи!
Врозь косые глаза глядят...
Как ты нас различаешь, Боже?
Ну, скажи, не одно и то же —
Взгляд вперед или взгляд назад?!

Преимущества никакого
Ни ему не дано, ни мне,
Лишены очага и крова
Мы бежим, как за словом слово,
В обезумевшей тишине.

1971

ПАЛАЧ

Люби меня, палач!
Я для тебя подарок:
Нежнее воска плащ
И шея, как огарок, —

Не толще свечки той,
Что мать твоя держала,
Склоняясь над тобой
Поправить одеяло.

Ты ей на радость рос.
Как дети всей округи,
Ты спал, держа вразброс
Младенческие руки.

Ну кто бы думать мог,
Что сей сосуд скудельный
Забыл заполнить Бог
Хотя бы колыбельной.

Ты пел бы мне ее
Перед моей кончиной,
Прикрыв лицо свое
Рукою, как личиной.

Ты пел бы мне: — Не плачь,
Уснуть навеки сладко,
Я для тебя палач,
Ты для меня — загадка.

1981

МОИМ СУДЬЯМ

Как странно думать, что на людной площади,
В родильных и смиренных домах,
В смиренных, куда меня вы прочите,
Одно и то же время на часах.

И я твержу вам, точно заведенная:
Кто прав всегда, тот никогда не прав,
И мечется душа уединенная,
От времени всеобщего устав.

В испарине мой лоб, и щеки впалые,
И на погибель мне и возглас мой:
Ах, судьи мои злые, дети малые,
Задумайтесь над собственной судьбой!

Рот закушу до самой черной алости,
Мое молчание — моя броня.
Не мучайте меня, — умру от жалости,
Мне жалко вас, не мучайте меня.

1981

* * *

Так печальны вокруг обстоятельства,
Что по зеркалу я садану, —
Там застыло в глазах обязательство
Говорить только правду одну.

А кому эта правда помощница?
Не спасет никого и никак,
Умный выслушает и поморщится,
И задумчиво сплюнет дурак.

Оба правы. От правды нет прибыли,
Море крови под ней пролегло.
Как еще до сих пор мне не выбили
Оба глаза и это стекло?

Что мне стоит самой с ним расправиться?
Взмах — и вдребезги! — сущий пустяк...
Только сердце мое окровавится,
Только сердце... а не кулак.

ПОЖАР НА БОЛОТЕ

Я проситься буду в пекло адово,
Если даже Бог меня простит.
Белый пепел на малине матовой,
А торфяник розовым покрыт.

В душном времени, в болотном пламени
Имя Господа мы долго жгли
И сгорали сами. И, как знаменье,
Ливни милосердные сошли.

И отступница, и погорелица,—
Каюсь на пространстве торфяном,
Низкий голос по России стелется,
Словно дым, который был огнем.

И, наверное, когда покину я
Навсегда земную колею,
Тень моя не раз придет с повинною,
Если даже окажусь в раю.

* * *

Гляжу вперед — и вижу все, что было,
Смотрю назад — не вижу ничего,
Ни жутковатой жизни кочевой,
Ни городской оседлости унылой.

А впереди — спасительная ложь —
Пространства нет, есть только перекресток,
Где я, старуха, женщина, подросток,
Смеюсь, едва переменяя дрожь,
Когда меня ты за руку берешь,

И вижу я: собрались воедино,
Сосредоточились в лице одном
Всех позабытых лица и личины —
Все города сошлись в один Содом!

Нет времени, а есть пиры и казни!
Нет совести, но есть пятно на ней!
Смотреть вперед — нет памяти опасней,
Корить тебя — нет слабости напрасней,
Казнить себя — нет гордости страшней!

1978

ВОДОЛЕЙ

Никогда ни о чем не жалею, —
Что оплакано, то переменится.
Лей слезу, голубой водолей,
На голодную зимнюю мельницу.

Я, твоя лунатичная дочь,
Буду в поле поземку толочь,
Буду вьюгу месить привокзальную,
Пролегла пешеходная ночь
Через всю мою жизнь поминальную.

В мимоходной толпе облаков
Встречу лица друзей и врагов,
И потоком сознания подхвачена
Я под легкие звоны подков
И под клекоты колоколов,
И под всхлипы души околпаченной

Обойду все родные места
От бакинской лозы до креста
На лесистой московской окраине.
Наша память о жизни — мечта,
Наша память о смерти — раскаянье.

ДНИ

Зачем, опершись о порог,
Часа эдак три иль четыре
Трет замшевой тряпкой сапог
Тишайший сосед по квартире?

Зачем в коммунальном аду,
Где песенки наши не спеты,
Выкрикивает какаду
Название центральной газеты?

Зачем тугодум-управдом,
На восемь настроив будильник
И спрятав его в холодильник,
В шкафу удавился стенном?

Как сны, обрываются дни,
Но есть жесточайший порядок
И в том, что безумны они,
И в том, что они без загадок.

* * *

Молчит дверной звонок и телефонный,
И только чайник дует в свой свисток,
На Запад смотрит ветер законный,
А наша кухня смотрит на Восток.

Мы черные чаи с тобой гоняем,
И как ни морщим опытные лбы,
Мы завтрашней судьбы своей не знаем,
Да и вчерашней не поймем судьбы.

И то учли, что мы с тобой в опале,
И то учли, что нет в суде суда,
И даже то, что мы с тобой пропали,
Как пропадают письма в никуда.

Но улыбаясь моешь ты посуду,
Ты улыбаешься — и ясно мне,
Что точно так припомненному чуду
Младенцы улыбаются во сне.

1981

* * *

Возьми меня, Господи, вместо него,
А его на земле оставь!
Я легкомысленное существо,
И ты меня в ад отправь.

Пускай он еще поживет на земле,
Пускай попытает судьбу,
Мне легче купаться в кипящей смоле,
Чем выть на его гробу!

Молю тебя, Господи, слезно молю:
Останови мою кровь.
Хотя бы за то, что его люблю
Сильней, чем твою любовь.

1978

* * *

Затвердел воздушный пласт,
И почти немислим вдох.
— Потеряешь — Бог подаст,
Задохнешься — примет Бог.

Этот в сердце разнбой
Не конец, а перерыв! —
Это я сама с собой
Говорю, окно раскрыв.

Наверху стоит январь,
А июль стоит внизу,
Воздух черствый, как сухарь,
И сегодня разгрызу!

Липа выдох мой вдохнет,
Превратит в медовый дым,
Друг вспомнит и придет —
Был бы цел и невредим!

Сладко выспится отец,
Руки мертвые скрестив,—
Даже это не конец,
Даже это перерыв.

* * *

Этот город — арестантская одевка,
Полосатый и застиранный мешок,
В нем давно себя не чувствую неловко,
Ничего не замышляю поперек,

Ни к чему мне и свирепая усталость
И воинственная русская вина...
Что с того, что на земле я задержалась,
Что с того, что эта улица темна?

Провод голый ухватить рукою голой —
Неужели вспыхнет света полоса?
Я понизила, а ты повысил голос,
Я зажмурилась, а ты открыл глаза.

Ангел мой, полуседой и бесноватый,
Ты зовешь меня из мрака моего
В тот просвет, куда уходят все закаты
И откуда не приходит ничего.

Фосфорическая кошка ест из блюдца,
Единица придвигается к нулю...
Мне бы вздрогнуть, мне бы вскрикнуть и очнуться,
И проснуться, но давным-давно не сплю.

* * *

Что делать? — спросила у Жизни, — сказала: умри!
Что делать? — спросила у Смерти, — сказала: живи!

Чтоб что-нибудь делать, в духовке суши сухари,
А дождь за окном, как мерцающий трепет в крови.

То ангел меня посещает, а то — сатана.
И каждый выходит из зеркала против окна.

И только себя я не вижу в стекле никогда.
А время течет, как течет дождевая вода.

Я ангелу плачусь, но тут же приходит другой,
Меж нами я воздух крещу обожженной рукой.

Мне кажется, ночь — это уголь сгоревшей зари,
А это сгорели в духовке мои сухари.

1981

* * *

Есть у меня лампада
И дерево, и Русь,
Где я живу, как надо,
И мыслить не берусь.

Кусочек мироздания
Пылает с двух сторон,
По краскам угасанья
Я вижу — это клен.

А как на ладан дышит
Земля во цвете лет,
Увидит и опишет
Эпический поэт.

И подтолкнет страдальца
И жертву к алтарю.
А я на все сквозь пальцы
Или сквозь сон смотрю...

1976

В ГЕГАРДЕ

Призрачна вся моя правда,
Правду чужую влачу.
В камне — во храме Гегарда —
Я зажигаю свечу.

Медленно пред образами,
Словно свеча, я горю, —
Боже, чужими словами
Даже с Тобой говорю!

В мире весенняя слякоть,
Туч и деревьев слои...
Плачу. Но стыдно мне плакать,
Слезы и те — не мои!

1971

* * *

Уже мне тягостно открытое пространство,
В коленках чувствую предательскую дрожь.
Ах, море бурное, не верю я в бунтарство,
Ах, море тихое, твоё смирение — ложь.

На узкой улице мне дышится свободней,
В пространстве замкнутом мерещится покой,
Под низкой аркою знакомой подворотни
Я беспричинно не мучаюсь тоской.

Я вижу сморщенный квадратный дворик чёрный,
В железных ящиках отбросы бытия,
И смрад вдыхаю с той улыбкою покорной,
С какою двигаться привыкла жизнь моя.

1972

* * *

Мы привыкли к тому,
Что живем в ожидании напасти
И к лефортовскому подготавливаемся фольклору.
Трудно верить уму
Да и сердцу в спокойное счастье —
В эти несколько дней, погруженных в июльскую флору.

Видно, высшая власть,
О которой забыла земная,
Подарила нам луг и берез неубывные свечи,
И желанье припасть
К колокольчикам, благословляя
Просторечье реки и крутое, как купол, заречье.

Мир устойчив и прост
Под блаженным дыханием липок,
Под жасминовым облачным выдохом праведной лени,
И трава Лисий хвост,
Умоляя не делать ошибок,
Лиловатую дымкой твои обнимает колени.

1983

* * *

Пронзены половецкими стрелами русские сны.
Мы живем или после войны, или перед войной,
За собой никакой мы не знаем вины, потому и сильны, —
За чужую виной, как за каменной, видно, стеной.

Но я — выродок, я со стеною воюю во сне,
Мне чужая вина — не защита, на то есть Покров.
Да и днем предо мною кирпич. Что сказать о стене,
Ржавым цветом похожей на окаменелую кровь?

Где стихи про любовь? Все рифмую войну и вину.
Я устала сама от себя, я достану шпагат,
Сплошнякам снизу доверху туго его натяну
И пуцу по шпагату библейских кровей виноград.

Виноградный побег, оскуделый за столько эпох,
Все ж неплох, он прикроет кирпич, успокоит мой сон
И тебя возвратит, и расслабит мой выдох и вдох, —
И придешь, и возлюбишь, и выключу я телефон.

Ты увидишь, как вспыхнут зрачки виноградным
И забудемся мы, и забудем, что снится во сне,
И когда мы живем, до войны или после живем
И какая вина замурована в этой стене.

* * *

Видишь, сама я себе западня,—
Людям кричу среди белого дня:
Вот она я — унижайте меня!
Вот она я — распинайте меня!

Черного крику мне хватит на три
Не петушинных — вороньих зари.
Будут не в колокола звонари
Бить, а в сияющие фонари.

Я, заклеянная жгучей виной,
Я, в ожидании расправы со мной,
Буду толочь под кирпичной стеной
Стекла фонарные голый ступней.

Боже, о чем я Тебе говорю?
Это в бреду я три ночи горю,
Колокола раскачали зарю...
Боже, о чем я Тебе говорю?

ПЕРЕДЕЛКИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

День истлел. Переселилось
Слово в первую звезду.
Нет, ни с кем я не простилась
У погоста на мосту.

На погосте я гостила,
Здесь — деревья и кусты,
Разномерные могилы,
Разноростные кресты —

Деревянные, простые,
С червоточинным нутром,
И железные, витые,
Крашенные серебром.

А поодаль, за оградой,
Спят, разжавши кулаки,
Ряд за рядом, ряд за рядом,
Старые большевики.

И над ними — ни осины,
Ни березы, ни ольхи,
Ни травиночки единой —
Лишь посмертные кручины
Да бессмертные грехи.

Да казенные надгробья,
Как сплоченные ряды.
Господи, твои ль подобия
Дождались такой беды?

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Он, сам себя сравнивший с конским глазом...

Ахматова

Он сам себе назначил этот август
С ошибкою в два месяца всего,
И чуткий страж, тысячеглазый Аргус,
Преображенье прозевал его.

Все так и вышло, как в стихотворенье,
С надмирностью его житейских строк,
В минуту напряженного прозренья
Лишь в сроках ошибается пророк.

Все так и было тут же после мая,
С тем уточнением, что во гробе прах
Из дома плыл, цветенья не ломая,
На вытянутых скорбию руках.

И так его душа прощалась с телом
Да и со всеми, кто его не спас,

Что день июня во цветенье белом
Преображался в Яблоневый Спас.

Все яблоками в мире освещалось,
Заворожив окрестные места,
Когда с землей душа его прощалась
Под той сосной налево от моста.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Предвидено, предсказано,
Цветком не прорасту,
Я к времени привязана,
Как к конскому хвосту

О плоские булыжники
Крутым затылком бьюсь.
Молчат твои подвижники,
Истоптанная Русь!

Молчат твои утешники,
Лежат в сырой земле,
Кровавые подснежники
Им чудятся во мгле

Да снится, как расплющило
Их младшую сестру, —
Лишь волосы распущены
И тлеют на ветру.

ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

Неизвестна твоя могила,
Может быть, это — целый свет
В первом Камне такая сила,
Что последнего камня нет.

Только море, песок и тучи,
Только звезды и семена,
Да на проволоке колючей
Музыкальные письма.

Только музыки русской вера,
Только пчел золотой псалтырь...
У задумчивого Гомера
Опрометчивый поводырь.

1977

ПЫЛЕСОС

Какое несчастье, что я научилась смеяться!
Как быть и что делать — уже не задам я вопроса.
С тахты поднимаюсь, когда начинается смеркаться,
И движусь по миру, держась за кишку пылесоса.

Гуди и заглатывай все, что незримо и зримо:
И совесть, и память, и грифель толченный, и пудру,
Отрепья сознания и струпья отпавшего грима,—
Все это уже ни к чему мировому абсурду!

Заглатывай косточку яблока — весточку рая!
Какая потеха — вечерняя наша морока,—
В единое нечто разрозненный сор собираем
В том хаосе, где и пылинка — и та одинока!

Своей насыщаться работой — не это ль порядок?
Гуди, пылесос, и заглатывай свежую пищу! —
Засохшие бабочки, хлопья истлевших тетрадок,
И пепел табачный, и пепел того пепелища,
Где я научилась смеяться...

1979

МАГДАЛИНА ПЕЛА:

«Я к тому добра,
Кто не мной утешен,
Я тому сестра,
Кто премного грешен.

Заповеди чту,
Избегаю правил.
Я ль не дочь Тому,
Кто нам крест оставил?»...

Пахло от окна
На дворе московском
Горечью вина
И горящим воском,

Кудри на плечах
Золотили тело,
При одних свечах
Магдалина пела.

* * *

Не веруем. Но жаль души утраченной,
И чтобы пустота не пустовала,
Ее мы набиваем всякой всячиной
Из дерева, пластмассы и металла.

И я ввожу предметные подробности,
Давясь то ли слезой, то ль запятою,
И лишь немногим достает способности
Ту пустоту оставить пустотою.

А вдруг душа вспомнит и воротится —
И не найдет такого уголочка,
Куда б могла поставить Богородица
Корыто для Спасителя-сыночка.

* * *

Случайная, как соловьиный помет,
Оброненный на подоконник,
Жизнь вышла из книги и в книгу уйдет,
Всего вероятнее, в сонник.

На лоне, где пишущий дачник окреп,
По горло уйдя в огородство,
Где есть у меня и бумага, и хлеб,
Свое ощущаю уродство.

Уедут соседи, и выпадет снег,
Похожий на суперобложку:
Увижу приبلудшую в нынешний век
Мемфисскую черную кошку.

На лунно-голодный египетский взор
Пойду, как лунатик, шатаясь,
И тварь-божество я впущу в коридор
И дам ей все то, чем питаюсь.

И тесно с прапамятью я подружусь,
Но, может быть, неосторожно,
Я вышла из сна, и я в сон возвращусь,
Какой толковать невозможно.

1987

* * *

Два брачных бражника, чьи крылья — нервный шелк,
И первый выстрел почки,
И строчка дятлова, и соловьиный щелк,
И дождика звоночки,—

Весна блаженствует: приспели времена
Раскрепощенья духа,
И речь открытая на улице слышна,
Да я уже старуха.

К беззвучным выкрикам, к житью с зажатым ртом
Я привыкала долго,
Беда под силу мне, а радость не в подъем
И уязвимей шелка.

И вдруг кощунственный я задаю вопрос
В час крайнего смятенья:
Голгофу вытерпел, но как Он перенес
Блаженство воскресенья?

1987

* * *

Какое нынче лето — все ливни коротки,
Ни стражи, ни крамолы, —
Клеенчатые листья, атласные жуки,
Вельветовые пчелы.

И крылья из батиста, и кружевная тень,
И в ягодах опушка,
И в воздухе такая безоблачная лень,
Как будто мир — игрушка.

А может быть, и вправду игрушка, если ты
Цела и невредима,
Ты, шедшая в огонь, ты, сжегшая мосты,
Ты, черная от дыма.

* * *

День пылает над рощей редющей,
Все живое к реке накрена,
А в груди моей уголь холодеющий,
Обжигающий только меня.

Мне ль перечить пространству огромному,
Не познавшему душу свою?
Мне ль чужой быть скоту подъяремному,
В чьем сословье и я состою?

Много ль надо мне? Хлеба обдирного
Да воды, и забыть, что вода
Мне остатком потопа всемирного
Почему-то казалась всегда.

Много ль надо?
Но знаю заранее,
Что сама я пойду на убой,
Что сама я пойду на заклание
Водопойной наклонной тропой.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

1

Снял шляпу цвета аметиста
Лопух пред куполом ольхи,
Семейство пижмы золотистой
Поет давидовы стихи.

Здесь и ромашка-богомолка
Стоит, губами шевеля,
На белом доннике ермолка
Из бархатистого шмеля.

Субботничает мятлик в тесной,
В иван-да-марьиной толпе.
Но где тот царь, что Песню Песней
Мне пел на этой же тропе?

2

Владенья августа — одонье,
Цветенье, умирание, пух...
Весь Третий День — как на ладони,
И можно повторять мне вслух

Те поученья двух Заветов,
Которым следовать могу, —
Меня не высмеют за это
В разномолящемся кругу.

Ну что ж, и левую подставлю,
Хоть правая горит щека,
Но бьющего я не восславлю,
О нет, не возлюблю врага!

3

Еще в цвету моя опушка,
Хоть август выдался сырой,
Но и в дождях есть перебой,
И сена мокрая подушка —
У солнышка под головой.

Кто знает, что со мной случится?
Но если выпадет темница,
Я выкрою такую ночь,
Чтоб за того мне помолиться,
Кто мог, да не хотел помочь.

* * *

Разлетелся дым,
Разметалась тьма...
Тот, кто мной любим,
Тот — моя тюрьма.

От свободы он
Жизнь мою упас:
Каждый взгляд — закон,
Каждый жест — указ.

Вздых его — упрек,
Поощрение — смех.
Слово поперек
Мне и молвить грех.

Но, чужой, не смей,
И не смей, родня,
Из тюрьмы моей
Вызволять меня!

* * *

Еще не вечер, но уже не утро,—
Закатный дождь. И честно говоря,
Пора нам быть или не быть, но мудро:
Как тот моллюск в доме из перламутра
Или пчела в гробу из янтаря.

Или освоить опыт оптимистов —
Не замечать, как этот час неистов,
Не слышать перебоев и частот,

А сравнивать с мерцаньем аметистов
Дождя мерцанье и наоборот.

На что нам знать, что жив Иеремия
И что мерцательная аритмия
Во Времени, в Пространстве и в узле,
Где сходятся все токи кровяные.
На что нам знать, что будет на земле?

Да и к чему нам знать о том, что было?
Зачем тревожить памяти могилу, —
Там за пластом — второй и третий пласт...
Незнание дает такую силу,
Какую нам ничто уже не даст.

1980

* * *

Летало и пело...
А что это было,
Не вспомнило тело,
Душа позабыла.
Но даже не вспомнив, но даже забыв,
Творю я почти что языческий миф

О том, что светилось,
Над миром летая,
О том, что отбилось
От облачной стаи
И слезы роняло, крыло накрена,
И жить на земле оставляло меня,

Где жить не умею,
Не жить ужасаюсь,
Запомнить не смею,
Забывать не решаюсь.

1979

* * *

Что еще я вижу, кроме этих нитей
Дождевых за переделкинским окном? —
Сон, изъезженный колесами событий,
И события, затуманенные сном.

Не до гнева, не до слез и не до шуток.
Как с судьбою ни враждуй и ни дружи.
Все равно она размытый промежуток
Между помыслом и промыслом души.

Жизнь проходит между небом и землею
Вертикальная и зыбкая, как дождь,
И плывет, словно блудница к аналою,
Соловьиная торжественная ложь.

Боже мой, и я хотела стать любовью,
Милый мой, и я мечтала о венце,
И дрожит в дожде по горло Подмосковье
Со следами незабудок на лице.

1980

* * *

Я радуюсь, когда теряю вещи,
Я всякий раз самозабвенно верю,
Что это случай ждал меня зловещий,
Но откупилась от него потерей.

Счастливица, я потеряла за год
Три пенсии, две сумки и колечко,
В награду — лето красное от ягод
И прямо в лес зеленое крылечко.

Так что же я в малинник уронила?
И почему я задаю вопросы?
Чего ищу полмесяца уныло
В кустарнике, где торжествуют осы?

Счастливица, каких на свете мало,
Чей сон бывал, словно малина, сладок,
Я благовестный голос потеряла
И гнезда слов, и птичий их порядок.

1983

* * *

Душа не в занозах и плоть не в заносах,—
Зимою и летом бытую прекрасно.
Я есть пустота, сквозь меня, как сквозь воздух,
Проходит все то, что движенью причастно,—

И стая гагачья, и стадо бизонов,
Небесные струны, и время, и люди
В лавровых, в терновых венках и без оных,
Заблудшие в правде, завязшие в блуде.

Все то, что идет, об меня не споткнется,
И мне об идущее не опереться,
Но чье-то дыхание во мне остается,
И чье-то во мне разрывается сердце.

1987

* * *

Не затем я шла,
Чтоб тебя обидеть,
А затем я шла,
Чтоб тебя увидеть.

Не затем жила,
Чтоб не знать о боли,
А затем жила,
Чтоб не знать неволи.

Не затем ушла,
Чтобы схоронили,
А затем ушла,
Чтобы не забыли.

1969

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Так прости-прощай,
Хлебом не стращай,
Я ведь шла не для
Твоего рубля,

Я ведь шла к тебе,
Как судьба к судьбе,
Как к добру добро,
Как к ребру ребро,
Как к крылу крыло,
Да не приросло
К одиночеству
Одиночество.

1975

* * *

Три недели душу саднило
Неотплаченное зло.
Дождь прошел, и попрохладнело,
Отпустило, отлегло.

И опять с утра до вечера
Я кричу своей любви:
Я тебя очеловечила,
Ты меня обожестви!

1970

В ЛОДКЕ

Музыка жизни одна и та же,
Но, что ни день, словно море, другая —
Цветом, дыханьем, повадкой, походкой волны.
Люди слабы, как все люди. Я же,
Странною слабостью располагая,
Многих прельщала доказывать мне, что сильны.
Что за подробность души? Однако
Даже добрейших друзей искушала
Выказать силу, — и все мне давали под дых.
Если была б у меня собака,
То и она бы меня искушала,
Хоть не кусают собаки хозяев своих.

Я — неудачница высшей марки,
А неудачники толка иного
Верят в посмертность свою, в золотое «авось».
Море подьмлет белые арки,
Жизнь, если ты не совсем бестолкова,
Сбрось меня с лодки, а там — со счетов меня сбрось.

1983

* * *

1

И для тупицы нет секрета,
Что не найти одной тропы
Инакомыслию поэта
С единомыслием толпы.

Но нам ли страха утрашиться?
Со мною все мое добро —
Три пальца, чтоб перекреститься,
Три пальца, чтоб держать перо.

2

И вот мне больше нечего сказать.
Какой позор, какая благодать
Не чувствовать души, не ведать боли!
Последнее, что помнила вчера, —
Три пальца для креста и для пера,
Три пальца, чтобы взять щепотку соли.

1979

СОДЕРЖАНИЕ

Бутылка с запиской	3
«В мире людном — в дому одиноком...»	3
«Забвенья нету сладкого...»	4
«Возят на рынок картошку и сало...»	4
«Я и время — мы так похожи...»	5
Палач	6
Моим судьям	7
«Так печальны вокруг обстоятельства...»	7
Пожар на болоте.	8
«Гляжу вперед — и вижу все, что было...»	9
Водолей	9
Дни	10
«Молчат дверной звонок и телефонный...»	10
«Возьми меня, Господи, вместо него...»	11
«Затвердел воздушный пласт...»	11
«Этот город — арестантская одевка...»	12
«Что делать? — спросила у Жизни...»	13
«Есть у меня лампада...»	13
В Гегарде	14
«Уже мне тягостно открытое пространство...»	14
«Мы привыкли к тому...»	15
«Пронзены половецкими стрелами русские сны...»	15
«Видишь, сама я себе западня...»	16
Переделкинское кладбище	16
Преображение	17
Старая песня	18
Памяти Мандельштама	18
Пылесос	19
Магдалина пела	19
«Не веруем. Но жаль души утраченной...»	20
«Случайная, как соловьиный помет...»	20
«Два брачных бражника, чьи крылья — нервный шелк...»	21
«Какое нынче лето — все ливни коротки...»	22

«День пылает над рощей рдеющей...»	22
День третий	23
«Разлетелся дым...»	24
«Еще не вечер, но уже не утро...»	24
«Летало и пело...»	25
«Что еще я вижу, кроме этих нитей...»	26
«Я радуюсь, когда теряю вещи...»	26
«Душа не в занозах и плоть не в заносах...»	27
«Не затем я шла...»	27
Прощальная песня	27
«Три недели душу саднило...»	28
В лодке	28
«И для тупицы нет секрета...»	29

ЛИСНЯНСКАЯ Инна Львовна

ВОЗДУШНЫЙ ПЛАСТ

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 3.01.90. Подписано к печати 1.03.90. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,25. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1750. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ

ПО ПЛАТЕЖАМ НАСЕЛЕНИЯ

Учреждения Сберегательного банка СССР осуществляют по поручению вкладчиков безналичные расчеты по платежам за квартиру, коммунальные услуги, газ, электроэнергию, телефон, содержание детей в детских учреждениях и другим платежам путем списания этих сумм со счетов по вкладам. Такая форма расчетов с предприятиями, учреждениями и организациями по различным видам платежей освобождает Вас от необходимости ежемесячного их внесения наличными деньгами.

Безналичные расчеты экономят Ваше личное время и являются наиболее удобной формой расчетов по платежам.

● **Сберегательный банк СССР к Вашим услугам!**